СОФИЯ СТАСОВА

ТАКОЙ КАК Я

Часть сборника: Русская фантастика – 2018. Том 1 (сборник)

София Стасова

Такой как я

«Эксмо»
2018

Стасова С.

Такой как я / С. Стасова — «Эксмо», 2018

«Никто ведь не виноват, что мне больше не о чем кричать или плакать? Меня нет: серые глаза, потрескавшиеся губы, ледяные руки – это не я. Слишком просто. Должно быть еще что-то, кроме внешности, – мысли, страхи, мечты, но я давно ничего не чувствую, равнодушно наблюдая за собственной жизнью словно со стороны. Не так уж и сложно существовать где-то между самим собой и остальным миром…»

© Стасова С., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

1 5
2 7
3 10
4 15
Конец ознакомительного фрагмента. 17

София Стасова
Такой как я

1
Когда взрываются лампочки

Никто ведь не виноват, что мне больше не о чем кричать или плакать?

Меня нет: серые глаза, потрескавшиеся губы, ледяные руки – это не я. Слишком просто. Должно быть еще что-то, кроме внешности, – мысли, страхи, мечты, но я давно ничего не чувствую, равнодушно наблюдая за собственной жизнью словно со стороны. Не так уж и сложно существовать где-то между самим собой и остальным миром.

За окном идет снег, но холодные снежинки, не успев долететь до земли, превращаются в пронзительный дождь. Довольно иронично, что именно сегодня, тридцать первого декабря, на улицах по-осеннему мокро и тоскливо, так, словно мир на пару часов вернулся из сказочной зимы в задумчивый октябрьский вечер, состоящий из темноты и разочарования. Вполне подходящая атмосфера для праздника не оправдавшихся надежд: холодный ветер уносит последние желания, загаданные в уходящем году, а где-то в небе, погибает красивый, но совершенно бессмысленный салют. Нас с Фалленом освещают его яркие вспышки, после которых я закрываю уши. Слишком громко, в миллион раз громче, чем голоса в голове.

Отец снова ушел куда-то, как обычно, не предупредив, когда вернется. Но, если честно, мне было все равно. Я давно перестал быть тем мальчиком, который когда-то ждал его возвращения. Сейчас мне хотелось лишь, чтобы время шло быстрее.

Секунды. Минуты. Снова секунды.

Невыносимо громкие взрывы фейерверков наконец прекратились, замолчали телевизоры на других этажах, даже голоса в моей голове стали немного тише.

Накинув на плечи легкое пальто, я вышел на улицу. Новогодние гирлянды в окнах уснувших домов давно погасли, и только дисплей, мигающий в припаркованной у подъезды машины, показывал половину четвертого утра. Дождь закончился, и все вокруг теперь блестело, как в сказке, покрывшись тонким слоем хрупкого льда. Я спустился по скользким ступеням и, разбежавшись, проехал по замершему асфальту, словно на моих ногах вместо кроссовок вдруг невероятным образом появились коньки. Внезапно мне захотелось оттолкнуться от сверкающего льда и взлететь, навсегда растворившись в морозном воздухе. Но, к сожалению, я все еще подчинялся законам физического мира, и поэтому, проскользив на носочках несколько метров, вместо того, чтобы, как в моем воображении, взмыть к звездам, я оказался лежащим на земле. Тонкое драповое пальто не смягчило внезапное падение, но я сжал зубы скорее от обиды, чем от боли.

Изо рта вырывались облачка пара, унося мое судорожное дыхание прямо к звездам. Они смотрели на нас с Фалленом сверху вниз и, казалось, улыбались, сияя в это короткое мгновение только нам одним. Целая Вселенная отражалась в моих глазах, на секунду загоревшихся живым, но все же холодным огнем, и я прошептал, повинуясь внезапному порыву:

– Я здесь! Посмотрите, я все еще здесь. Пожалуйста, если на этот раз вы слышите, прошу, сотворите для меня какое-нибудь чудо.

Ночное небо так и осталось неподвижным, застыв в своем ледяном очаровании, а потом одна из звезд вдруг вспыхнула ярче остальных и утонула в бесконечном темном океане, унося на хвосте мое новогоднее желание.

Я проводил ее удивленным взглядом, не веря, что Вселенная услышала меня. Услышала впервые за столько лет.

Взбежав по ступеням, я распахнул дверь квартиры. Свет от люстры в коридоре показался мне невероятно ярким. Таким, что я мог бы поймать каждый искусственный луч и, как в детстве, спрятав кусочек света в ладонях, раскрыть их, создавая идеальную маленькую радугу. Почему-то теперь мне казалось, что я не разучился делать это. Но я не успел попробовать, потому что все лампочки в квартире вдруг разом вспыхнули и спустя мгновение одновременно со звоном взорвались, рассыпавшись стеклянным дождем.

Забавно, но такое случилось не впервые. Примерно два месяца назад, двадцать седьмого октября, со мной произошло то же самое. И, возможно, это было как-то связано с тем, что в тот день я получил первое письмо от Натаниэля.

Оно пришло мне по ошибке, и совершенно случайно получилось так, что я прочитал его. Мне не было интересно, о чем один неизвестный человек пишет другому, но каким-то непостижимым образом каждая строчка этого небольшого письма была адресована именно мне. Я не мог объяснить даже самому себя, что я почувствовал в тот момент, когда читал удивительные мысли, заключенные в коротком тексте длиной всего в несколько сотен слов, но глубиной в целую жизнь. Это странно, но в нем совершенно точно было гораздо больше света, чем во всех лампочках, которые взорвались в тот вечер.

Так я познакомился с Натаниэлем. Сначала переписка с ним больше напоминала осторожный разговор шепотом, когда оба собеседника не знают, о чем говорить. Он задавал мне вопросы, а я отвечал на них, часто односложно и безразлично. Все они были отвлеченными от реальной жизни – мы даже не знали настоящих имен друг друга. Обычно, если я молчал, Натаниэль писал что-нибудь непредсказуемое, каждый раз словно открывая мне какую-нибудь маленькую тайну. Часто я не знал, что делать с его удивительными мыслями и словами, и тем не менее я помнил наизусть каждое письмо: в них было много детской наивности, смешанной с удивительным пониманием жизни. И часто мне казалось, что Натаниэль думает, что знает обо всем на свете лучше любого другого человека.

Но он ошибался. Ошибался хотя бы потому, что если бы он действительно знал все, то, конечно, смог бы понять, почему я однажды перестал отвечать на его сообщения. Внезапно и навсегда. А это было невозможно, ведь я сам не знал, что сказать на вопрос «Почему?», мелькающий в письмах от Натаниэля, оставшихся без ответа.

Снова оказавшись в полутьме, я осторожно собрал и выбросил теплые осколки взорвавшихся лапочек. Думая о Натаниэле, звездах и моем новогоднем желании и пытаясь представить, что же теперь может произойти, я невольно мечтал. Мечтал недолго, потому что вдруг с каким-то отчаянием осознал, что никакого чуда не случится. Ведь так не бывает.

Каждый день будет не менее серым, чем предыдущий.

Фаллен никогда не станет настоящим.

И я не проснусь однажды утром от звонка в дверь, где на пороге будет стоять Натаниэль, радостно мне улыбаясь.

2
Таких совпадений не бывает

Раздался требовательный звонок в дверь.

Я резко открыл глаза, морщась от внезапного непрекращающегося звука, и потряс головой, судорожно пытаясь понять, кто мог прийти так рано утром первого января. У меня не нашлось рационального ответа на этот вопрос, поэтому я вдруг отчетливо представил Натаниэля, держащего руку на дребезжащем звонке. Мое воображение мгновенно нарисовало эту картину, и я, абсолютно не представляя, что мне делать и как реагировать, беспомощно посмотрел на Фаллена. То, о чем я подумал, было настолько невероятно, что мне, конечно, стоило лишь снисходительно улыбнуться собственным мыслям. Но в первое мгновение я отнесся к ним крайне серьезно.

Из секундного замешательства меня вывел привычный звук поворачиваемого в замке ключа. Раздался незнакомый женский смех, а потом голос отца. В коридоре проговорили что-то громко, но неразборчиво, и я вздохнул не то облегченно, не то разочарованно: да, чудес не бывает, и друзья не приходят из ниоткуда, позвонив однажды с утра в дверной звонок.

Просидев несколько минут в относительной тишине, я прислушался к разговору внутри квартиры. Из-за слегка приоткрытой двери все еще доносился диалог, иногда прерываемый взрывами женского смеха. Мне показалось, что он наполняет квартиру какой-то тяжелой суетой, от которой мне с каждой минутой становилось все труднее дышать. В ушах зазвенело, а голоса в голове вдруг зазвучали громче, чем обычно. Я приложил руки к вискам, чувствуя, как пульсируют голубоватые вены под кончиками холодных пальцев. Так было немного легче сосредоточиться на реальности.

Во мне боролись противоположные чувства. Конечно, мне стоило как можно меньше соприкасаться с ранящими звуками острого смеха, но, вопреки почти физической боли, я все-таки хотел посмотреть на гостью. Мне редко удавалось взглянуть на людей, которые были небезразличны моему отцу, и я почти с радостью подумал о том, что, возможно, в его жизни произошло нечто необыкновенное в эту новогоднюю ночь. Ведь на этот раз он вернулся домой так скоро, а не спустя несколько суток после праздника – голодный и сердитый.

Обычно отец не срывал на мне злобу, а только смотрел разочарованно, словно именно в такие моменты я становился совершенно бесполезным и не достойным даже грубости или крика. Конечно, он редко общался со мной даже в хорошие дни, а самые искренние слова, произнесенные им для меня, остались где-то в далеком детстве. Не то чтобы он когда-то любил меня больше, чем сейчас, просто раньше все было гораздо проще.

Тогда была мама. Тогда я был немного другим.

Первые годы своей жизни я производил впечатление необыкновенного существа: голубоглазый и светловолосый ребенок, не умеющий ни плакать, ни улыбаться. Я заслуживал восхищение, как хрупкая фарфоровая игрушка, спрятанная от реальности за воображаемым стеклом, отделяющий мой собственный космос от остальной Вселенной. И тогда весь мир любил меня за то, что я был прекрасным и совершенно невероятным. Но красота всегда относительна, а мне с самого начала было предрешено разбиться на кусочки, упав с высоты собственной необыкновенности.

Это случилось через три с половиной года после моего появления на свет. Почему-то я очень плохо запомнил, что именно со мной произошло. Но мне до сих пор снятся обрывки того дня: как захлопнулись железные двери вагона метро, как мы впервые остались наедине втроем: я, бесконечная темнота и сверкающие звуки. Это было хуже страха. Я не боялся. Я ломался на части изнутри. В моих снах голубоглазый мальчик беспомощно закрывал уши

руками и рыдал, а я не мог ему помочь. Нет, это был даже не я, а кто-то другой, кто заставлял его кричать, разрушая весь привычный мир вокруг. Именно тогда исчезли все границы между мной и ним, тем Вторым Я, который умел ненавидеть. Как первый вдох, только вместо кислорода реальность.

Забавно, но именно после этого я перестал смотреть на мир бесконечно доверчивыми глазами и наконец начал становиться самим собой. Но история настоящего меня началась, когда умерла мама. Тогда в одно мгновение закончилось мое странное детство.

Я никогда не видел, как плачет мама. То, что она скрывала от меня свои слезы, я понял значительно позже, когда сам научился плакать лишь тогда, когда никто этого не видит. Странно, но горько плакал я отнюдь не тогда, в первые месяцы после смерти мамы, а позже, значительно позже. В восьмилетнем же возрасте я не чувствовал себя потерянным или странным – ведь, в отличие от других детей, я не нуждался в постоянном внимании. Кроме того, я привык к тому, что, когда заболела мама, все приходящие взрослые, в том числе и отец, перестали замечать меня, словно на долгое время я полностью исчез из обыкновенной жизни. И тогда мне казалось это совершенно нормальным.

В течение своей болезни мама угасала, словно свеча: медленно и неотвратимо. Я не знал, как правильно, и не понимал, что должен чувствовать. У меня было очень мало представлений о реальном мире, и никто не учил меня, как должно быть. Сам я почти ничего не знал о смерти, а то, что слышал от мамы, не было пугающим или плохим, скорее абстрактным и не очень мне понятным: мама словно собиралась куда-то далеко без меня, но одновременно хотела остаться рядом.

В один из дождливых дней я рассказал ей о Фаллене. И, кажется, именно тогда она научилась видеть его вместе со мной. Они были похожи своим бледным сиянием, как будто оба существовали уже совершенно в другом мире. И я тогда подумал, что мама, возможно, станет такой же, как он.

Однажды я поделился этой мыслью с отцом. Честно говоря, я думал, что ему станет легче, если он будет знать, что мама не исчезнет окончательно, а будет существовать где-то, просто уже не с нами. Мне даже захотелось показать ему Фаллена. Но почему-то мои слова разозлили отца. Он долго кричал на меня в тот день, убеждая, что таких, как Фаллен, не существует, а потом несколько раз возвращался к этому разговору, но уже после маминой смерти. Его словно раздражало, что я или молчу, или озвучиваю вещи, идущие вразрез с его пониманием жизни. Отец вообще пытался общаться со мной «по-взрослому», но одновременно ему было бы проще пережить те отвратительные месяцы, если бы я мог разделить его трагедию детскими слезами, так, чтобы он имел возможность утешить меня. Но мне не хотелось плакать, и я молчал.

Помню, как однажды отец схватил меня за воротник рубашки, подняв над землей, и отчаянно затряс, умоляя стать обыкновенным ребенком. Он хотел, чтобы я тоже кричал, плакал и говорил хоть что-нибудь, что угодно, но не молчал, равнодушно делая вид, что в моей жизни ничего не произошло. Вместо того, чтобы что-то ответить вслух, я заглянул в яростные и полные боли глаза отца. Он выдержал мой взгляд всего одно мгновение, а потом выпустил меня из ослабевших рук, и я упал на пол.

Не знаю, что именно отец увидел в моих холодных детских глазах, но после того дня его отношение ко мне изменилось навсегда. Из удивительной фарфоровой игрушки я внезапно превратился в неприхотливый цветочек, который нужно было лишь поливать пару раз в день и иногда интересоваться у безмолвных лепестков: «Как дела?». Предоставленный самому себе, я впервые оказал за высокой стеной равнодушия, и долгие годы она скрывала нас с Фалленом от холодных ветров реальности. Нет, я не прятался за ней специально, а наоборот, пытался жить, взрослея и обучаясь обыкновенной жизни. Но, видимо, у меня не

оказалось в нужный момент подходящих слов, чтобы меня услышали, поэтому очень скоро мир вынудил меня замолчать.

Как и все обыкновенные дети, я ходил в школу, но даже там взрослые почему-то постоянно возвращались к теме маминой смерти. Они, словно пытаясь объяснить что-то самим себе, невольно внушали мне, что я делаю все неправильно. Все считали, что я должен плакать, скучать и каким-то образом протестовать против случившегося. И постепенно я терялся, переставая ощущать грань между самим собой и остальным миром. Едва справляясь с незнакомыми мне чувствами ревности, тоски и одиночества, я все хуже видел сияние других людей и моего Фаллена, зато голоса в голове стали звучать громче, все сильнее мешая мне думать. Но, кажется, я не мог стать обыкновенным. Только несчастным и очень потерянным, особенно без Фаллена.

Иногда мы что-то делали вместе с отцом, но это всегда напоминало наши с ним игры в детстве. Он как будто снова учил меня закручивать игрушечные гаечки на игрушечные болтики, а я делал вид, что не понимаю, как это работает, чтобы иметь возможность немного пообщаться. На самом деле мне никогда не была безразлична его жизнь. Просто я не знал правильных вопросов, чтобы поинтересоваться чем-то важным для него, а отец много лет назад разучился мне отвечать. Поэтому и сегодня мне тоже было значительно проще увидеть все своими глазами.

Я осторожно вышел из комнаты и, выглянув из-за двери кухни так, чтобы меня не заметили, внимательно посмотрел на отца и гостью. Его спутница оказалась немолодой безвкусно одетой брюнеткой. Она сияла довольно бледным и совершенно некрасивым светом, но, попадая в обжигающие волны красного сияния отца, гостья начинала светиться ярче, а ее желтоватый оттенок становился чище, превращаясь почти в оранжевый. Я редко видел такое и несмотря на то, что давно привык к алому сиянию отца, несколько мгновений невольно наблюдал за сверкающими эмоциями вокруг него и брюнетки.

Отец говорил своей спутнице какие-то совершенно бессмысленные слова, крепко обнимая ее за плечи и грудь, а она отвечала ему, смешно рассыпая вокруг себя гласные, похожие на мелкий разноцветный бисер. Навязчивые объятия отца были какими-то противоестественными и даже немного жестокими – он никогда не обнимал так маму. Ее отец прижимал к себе сильными и теплыми руками, словно защищая от всего плохого, и их легкие прикосновения были всегда наполнены взаимной нежностью. Я принимал только такой вид объятий, потому что в них было больше тепла, чем во всем остальном холодном мире.

Отец и брюнетка пили шампанское из чайных чашек, и хотя их явно не первая бутылка была пуста больше чем наполовину, отец не выглядел пьяным. Он был скорее просто веселым, а вот его спутница, наоборот, казалась сильно перевыпившей. Я вдруг с отвращением представил, что будет, если кто-то из них нечаянно заметит меня: к разговору я был однозначно не готов. Сделав осторожный шаг назад, я окончательно исчез из их поля зрения.

Из-за плотно закрытой двери комнаты все еще доносился негромкий диалог, сливающийся с шумом голосов в моей собственной голове. Я открыл ноутбук и зашел в мою довольно одинокую почту. Мне казалось, что Натаниэль обязательно должен был написать хотя бы несколько слов, заранее зная, что они останутся без ответа.

Его сообщение мне показалось удивительно родным, словно передо мной были не печатные строчки, а настоящее письмо в теплом белоснежном конверте. Письмо, которое ждешь много дней подряд, а потом с трепетом держишь в руках, боясь открыть.

С самых первых слов я почувствовал, как мое равнодушное сердце забилось чаще. Мне стало сначала холодно, а потом жарко, и я невольно прикоснулся кончиками пальцем к пересохших губам, словно пытаясь сдержать беззвучный вздох удивления.

Чудо все-таки произошло. И это было именно чудо, потому что таких совпадений не бывает.

3
Почему люди не летают (одним месяцем ранее)

В тот холодный декабрьский вечер я, как обычно, возвращался с Фалленом домой из школы.

Оценки за осенний триместр были ужасными, а учителя в один голос твердили, что я не окончу одиннадцатый класс. Мне было все равно, а в глубине души я опасался только одного: как бы кто-нибудь из школы не позвонил отцу, чтоб поделиться с ним впечатлениями о моих успехах в учебе. Не то чтобы я сильно переживал из-за этого, но, так или иначе, мне было немного грустно от того, что я не оправдывал его надежд, если, конечно, эти надежды вообще когда-то существовали.

Потяжелевшая голова гудела так сильно, что мне хотелось биться ею обо все, что попадалось на глаза, лишь бы заглушить невыносимый и бессмысленный шум внутри.

Первый день зимы, удивительно точно отражая мое внутреннее состояние, дышал пронзительным ветром, смешанным с невероятно острыми частичками льда. Они настолько больно впивались в оголенные участки кожи, что, казалось, вокруг были развеянные кусочки стекла вперемешку с обыкновенным снегом. Уже темнело, и лучи вспыхнувших фонарей с трудом пробивались сквозь белую пелену, невольно превращая весь мир в театр теней. Темные силуэты людей напоминали безликих призраков, спешащих куда-то сквозь парализованное пространство и время. Я остался частью этого холодного спектакля даже после того, как перешагнул порог сонной квартиры. Казалось, вместе со мной в нее ворвались ветер и снег, наполнив и без того гнетущую атмосферу каким-то тоскливым одиночеством.

Интуитивно стараясь не шуметь, я осторожно проскользнул в приоткрытую дверь своей комнаты. Быстро натянув теплый свитер поверх школьной рубашки, я бросил сумку с учебниками на компьютерное кресло и на цыпочках вышел в коридор, снова надевая пальто. Все эти действия были безумно привычными. Но что-то было неуловимо «не так». Я чувствовал это, но не мог объяснить, что именно, и поэтому старался поскорее исчезнуть из дома. С некоторым облегчением я повернул ключ в дверном замке, но тут же замер на месте.

– К… куда-то собрался? – медленно произнес голос, который я хотел услышать сейчас меньше всего.

Отец появился за моей спиной внезапно. Он с трудом держался на ногах, стоя в эпицентре темно-красного пламени, бушующего вокруг. То, что отец напился, было очевидно. Причины я не знал, но последствия для меня могли быть не самыми приятными. Он пил очень редко, но такие дни оборачивались настоящим кошмаром. Я отступил еще на шаг назад, судорожно нащупывая за спиной ключ, который надо было еще раз повернуть в замке, чтобы дверь открылась.

– Нам с тобой… с тобой надо… поговорить… – запинаясь на каждом слове, невнятно произнес отец.

Вместо ответа я опустил глаза, даже не предполагая, в какую ярость это приведет отца. Он сжал кулаки, а фонтан из алых брызг, вспыхнувших вокруг него, обжег меня своим сиянием. Зрелище завораживало, парализуя своей пугающей красотой.

– Смотри на меня! – закричал отец, наполняя воздух тяжелыми словами. – Смотри на меня, идиот. Смотри, как смотрел тогда, в детстве!

Я застыл на месте, побледнев, но продолжил изучать свои кроссовки, борясь с непреодолимым желанием закрыть уши руками, чтобы хоть как-нибудь защититься от неминуемой катастрофы. Я ждал чего угодно: криков, ударов, но отец вдруг на секунду замолчал, а

потом из его глаз вдруг потекли слезы. Мощное пламя в одно мгновение погасло, и сам отец как будто внезапно уменьшился в размерах. Он вытер слезы резкими и неловкими движениями, а потом заговорил шепотом, постепенно снова срываясь на крик:

– Анну… Ты любишь Анну? Я любил. Любил больше жизни! А она… она нас бросила… Меня бросила! Зачем она оставила мне тебя? Мне нужна была она, а не ты! Какой я тебе отец? Скажи, ты ведь меня не любишь? А ее… ее ты любишь? Говори!!! – Он схватил меня за ворот пальто, заставляя поднять глаза.

Я изо всех сил старался не смотреть на отца, потому что в эти мгновения я не хотел и не мог говорить, а ответ на его вопрос мы оба прекрасно знали и без моих слов.

– Любишь… Она же твоя мама, – тихо произнес он, опуская меня на пол.

И мы заплакали, точнее, заплакал отец, а из моих глаз просто покатились слезы. Но я ничего не почувствовал, перестав понимать смысл фразы, произнесенной отцом, как будто кто-то отключил во мне функцию понимания человеческой речи. Мы простояли несколько бесконечно долгих секунд друг напротив друга, а потом он почти простонал, крепко сжав руками мои плечи:

– Анна нас бросила. Тебя бросила! Меня бросила! Оставила здесь, понимаешь? – Он затряс меня, видимо, пытаясь внушить свою мысль.

– Мама не бросила нас. Она умерла, – одними губами проговорил я.

– Умерла? Конечно, умерла. – Отец на мгновение побледнел, а потом вспыхнул необыкновенно ярким ослепительным цветом. – Но смерть – это не причина оставлять навсегда меня… и… и нас.

Слово «смерть» обожгло мою грудную клетку изнутри в миллион раз больнее, чем это мог бы сделать огонь, сияющий вокруг отца, и я почти физически почувствовал бесконечную глубину его отчаяния. На секунду все вокруг окрасилось в черный цвет, а мое почти невесомое тело вдруг стало во много раз тяжелее. Еще мгновение, и я бы, наверно, упал на колени. Но эта слабость была непозволительной роскошью, поэтому, собрав все оставшиеся силы, я резко оттолкнул отца, а потом дрожащими руками быстро повернул ключ в замке.

Рискуя сломать шею и не упав только благодаря Фаллену, я вылетел на заснеженную улицу, стараясь не прислушиваться к крикам, оставшимся где-то далеко за спиной. Я бежал, чувствуя, как из глаз катятся холодные слезы. Бежал, пытаясь скрыться не столько от отца, сколько от самого себя… Но от себя не убежишь.

А потом я все-таки упал. Изо рта, в такт то и дело прерывающемуся дыханию, появлялись облачка пара. Они исчезали, уносясь в пустую темноту серого неба. Я закашлялся, обжигая легкие холодным воздухом.

Кашлять лежа было больно, поэтому я медленно поднялся с земли, отряхиваясь от снежных осколков, и побрел вперед. Фаллен хотел меня догнать, но я мысленно приказал ему идти сзади. Наверно, я слишком долго бежал, потому что у меня не осталось сил на то, чтобы думать о разговоре с отцом, о смерти и о маме. Еще десять минут назад я отчаянно пытался скрыться от этих мыслей, разрывающих мою голову на части. Тогда мне казалось, что я никогда не убегу от них, но теперь слезы вдруг кончились, кончились и мысли. Осталась только тупая боль. Точнее, это была даже не боль, а бесконечная пустота в груди, которую невозможно было выплакать даже самыми горькими слезами. Она всегда незримо преследовала меня, но я не давал ей проникнуть внутрь. Последний раз она смогла коснуться меня именно в тот день, когда умерла мама. Я ведь тоже тогда чуть не умер, но все же остался жить.

А сейчас я просто хотел исчезнуть. Исчезнуть или вообще никогда не рождаться, ведь если кого-то не существует, ему не может быть пусто, больно или страшно.

Свернув к первому попавшемуся подъезду, я решительно поднялся по обледеневшим ступенькам и дернул железную дверь, но она даже не скрипнула. Я сжал зубы и бросил разо-

чарованный взгляд на Фаллена, словно он был виноват в том, что дверь не открылась. Нет, в тот момент я не подумал о том, что все против меня, а с холодной уверенностью сжал ручку и решительно потянул дверь на себя, мысленно приказывая ей открыться. Пиликнул домофон, и на маленьком экранчике высветилось красное слово ERROR. Дверь тихо скрипнула и открылась, пропуская меня в незнакомый подъезд.

Запахло теплом и известкой, и я несколько раз глубоко вдохнул, наслаждаясь новым сочетание ощущений. Когда тяжелая дверь за моей спиной захлопнулась, весь первый этаж погрузился в сумерки. Бледно-персиковые стены мгновенно посерели, а почтовые ящики строго посмотрели на нас с Фалленом, открыв черные вытянутые рты. Я отвернулся от них и поднялся по обшарпанным ступенями к маленькому старому лифту. Он стоял, освещая пространство перед собой ярко-белым светом лампочки, отражающейся в его внутренних потрескавшихся зеркалах. Каждые десять секунд скрипучие дверки резко закрывались, а потом, издавая глухой звук, разъезжались снова, выпуская наружу узкую полоску света. Не только лифт, но и весь подъезд казался каким-то пугающе-сломанным.

Быстро поднимаясь на полуосвещенные этажи, я словно убегал от собственных теней. Тысячи меня, ускользая далеко вперед или оставаясь сзади, бежали по одиноким стенам мелькающими силуэтами. Наконец, я оказался на самом верху и окинул взволнованным взглядом мрачную лестничную клетку девятого этажа. Дальше идти было некуда.

Тяжело вздохнув, я поднял глаза. На почерневшем от времени потолке виднелась небольшая дверь. Она находилась почти в самом углу, прячась за погнутой решеткой. Ни минуты не раздумывая, я поднялся по железным ступенькам и осторожно толкнул ее, совершенно не надеясь на то, что она откроется, но, скрипнув, дверь поддалась удивительно легко, освобождая мне проход на крышу.

За спиной остался мигающий свет неприветливого подъезда, но я уже не смотрел назад, осторожно наступая на снег, ведущий куда-то в темноту. Здесь, на одинокой крыше, царила неуловимая атмосфера спокойствия, заставившая даже голоса в моей голове говорить немного тише.

Мы медленно подошли к краю, и я сел, поджав под себя ноги, а Фаллен остался стоять за моим правым плечом.

Внизу горели яркие фонари, мигали вывески магазинов, спешили прохожие.

– Почему люди не летают? – тихо и рассеянно спросил я, выдохнув облачко прозрачного пара. – И правда ли, что я так и останусь никем и, исчезнув, не причиню никому боли?

Ненужный и даже лишний в этом вечно спешащем мире.

Всего один шаг. Пара секунд, и больше никакого меня не будет существовать.

Вдохнуть в последний раз холодный воздух и…

Одновременно и интересно, и страшно, и бессмысленно. Упаду, разбившись на миллионы кусочков, как хрупкая игрушка, выпавшая из рук неосторожного ребенка.

Осколки подметут и выбросят, а от меня не останется даже имени. Неужели я был создан только для этого?

Семнадцать потерянных лет.

Кто кому их должен: я миру или мир мне?

Снег закончился, а на небе сквозь серость облаков начали проглядывать звезды. Они смотрели на меня, но я не замечал их взглядов, как будто был один во всей Вселенной, внезапно став пустотой, способной уничтожить целый мир, способной заставить его замолчать навсегда, утонув в самом себе или даже во мне. В эти короткие, но бесконечные мгновения я мог все, даже летать. И если бы я захотел дотронуться до звезд, то, вероятно, потушил бы каждую из них своими холодными прикосновениями.

Но внизу все еще суетился живой город, а вокруг меня простиралась ночная крыша. На самом деле я был всего лишь комочком тепла, сидящим на краю темноты. Я настолько

замерз, что мысли в голове заледенели и иногда кололи меня изнутри, мешая заснуть навсегда. Я уже не хотел умереть назло самому себе или отцу, и мне было ужасно стыдно за то, что я собирался сделать. Но, сидя на крыше, я слишком долго обдумывал события вечера, постепенно впадая в полусонное состояние отрешенности. Теперь уже даже Фаллен не мог меня спасти.

Холодный ветер стих, снизу погасла витрина магазина, а за моей спиной вдруг захрустел снег. Мне не нужно было оборачиваться для того, чтобы понять, что сзади меня появился человек. Он шел медленно – то ли подкрадываясь, то ли просто осторожно, наверное, думая, что я не слышу его. Наконец, подойдя ко мне достаточно близко, он сделал несколько шагов в сторону и встал так, что я мог видеть его, не поворачивая головы.

Я не боялся этого темного силуэта, появившегося из ниоткуда на ночной крыше. Более того, мне не было даже интересно, кто это и какова цель его внезапного появления. Я лишь равнодушно осмотрел темную фигуру. В незнакомце не было ничего особенного. Цветная шапка, чуть надвинутая на глаза, бесформенная куртка. Я почувствовал, что он ощущает неловкость, смешанную с удивлением, но пытается это скрыть… Безуспешно.

С минуту гость рассматривал меня, как какую-то игрушку в магазине или даже привидение, видимо, пытаясь понять, настоящий я или нет. Спасибо, хоть не потрогал, но ощупал взглядом так, что мне стало неуютно. Мы молчали, но, похоже, молчать было не в его характере, поэтому он вдруг неожиданно проговорил:

– Здравствуй, – а потом зачем-то добавил: -те.

Про себя усмехнувшись этой наивной вежливости, я ответил привычным эхом:

– Здравствуй…

Мне показалось, что он на секунду улыбнулся, а потом, немного помолчав, спросил:

– Ты… ты сидишь тут давно?

– Давно. – Я эхом повторил последнее слово вопроса.

Он снова окинул меня оценивающим взглядом.

– И ты не замерз?

Я опустил глаза и посмотрел на задеревеневшие от холода кроссовки:

– Не замерз.

Он мне не поверил.

Но я действительно не ощущал холода, зато на меня вдруг навалилась какая-то усталость, мне захотелось уснуть. Я отвернулся и замолчал. Кажется, незнакомец еще что-то сказал, но я уже не слушал его. Опустив голову на плечо Фаллена, я закрыл глаза, снова проваливаясь куда-то. Последнее, что я подумал, – что если молчать, то гостю надоест говорить со мной и он уйдет. На секунду я вновь погрузился в черноту, а потом снова очнулся от звука его голоса. Тысячи иголок резко вонзились в голову изнутри. Я вздрогнул, а потом вскочил на ноги. От боли из глаз потекли слезы, а негнущиеся конечности отказались повиноваться. Мир вокруг стал расплывчатым, но я все же увидел, что незнакомец хочет броситься мне на помощь. Это привело меня в чувство. Преодолевая режущую боль, я поднял глаза и сказал на удивление спокойно, заставляя гостя отойти на несколько шагов назад:

– Уходи, уходи отсюда.

Он смутился, но ответил больше удивленно, чем грубо:

– Почему? Это общая крыша.

Я понял, что он не уйдет, бросив тут такого несчастного меня. Поэтому, сжав зубы, пошел по направлению к светлой полоске чердака.

За спиной раздались торопливые шаги и удивленное:

– Стой, что я сделал?

Еще несколько секунд, и незнакомец, конечно, догнал бы меня. Но я остановился сам. А потом, развернувшись, окинул гостя пронзительным взглядом, от которого тот побледнел.

– Оставь меня в покое, – почти шепотом приказал я.

А потом я ушел, а он так и остался стоять в темноте, схватившись руками за голову, с немым вопросом «Почему?» на губах.

Это был Натаниэль.

*** * ***

Я оторвал удивленный взгляд от монитора и посмотрел на Фаллена.

Я не верил, такого просто не могло быть.

Но нет. Вот она «Первая глава».

И все описано точно: та ночь, я и мой странный гость на крыше. Я ясно узнавал себя в образе, нарисованном Натаниэлем. А еще я узнавал его, боясь себе в этом признаться.

Еще долго я сидел, восстанавливая в памяти цветную шапку и огромную безразмерную куртку, надетую на моего ночного гостя. Мне хотелось вспомнить больше, но воспоминания ускользали.

И все же я отчетливо осознавал, что видел его. Вот он какой – мой Натаниэль.

– Но как такое может быть? – тихо спросил я.

А Фаллен, вторя обрывкам моих мыслей, ответил:

– Это чудо.

4
Хочешь стать таким, как он?

Весь мир сиял. Я видел его именно таким, каким он был создан или написан кем-то невероятно могущественным. Но чтобы научиться понимать сверкающие буквы Огненного Языка Жизни, которые я видел с самого рождения, мне понадобилось время. И первой я смог прочитать маму. Она была удивительной, и мне очень хотелось сказать ей об этом, но мама не слышала меня или слышала, но не понимала. Мы с ней словно пришли из разных миров – миров, которые вдруг ненадолго пересеклись, дав нам возможность прикоснуться друг к другу. Я навсегда запомнил ее невероятную любовь, такую, словно мама любила не только меня самого, но и кого-то другого во мне.

Удивительно, но ее слова никогда не причиняли мне боль, а прикосновения не стирали сияющие буквы, из которых я состоял. Она умела каким-то особенным образом произносить мое имя, так, как его не произносил никто другой. А еще мама редко улыбалась и обычно была немного грустной. Ни я, ни отец не могли по-настоящему развеселить ее. Наверно, в каком-то смысле мы с ней вместе учились жить: я впервые, а она заново. Когда я стал старше, мне захотелось узнать, о чем именно грустила мама. Однажды я спросил об этом отца, но он посмотрел на меня так, словно по какой-то причине я не должен был задавать этот вопрос или знать на него ответ. Но, несмотря на всю язвительность его слов, он пообещал объяснить мне, когда я стану достаточно взрослым. Пообещал с какой-то странной интонацией, в которой читалась не то угроза, не то издевка.

Кроме отца, ответы знал Фаллен. Мы вместе с ним летали во снах, где я видел обрывки чьих-то чужих жизней: там был и я сам, и мама, и кто-то удивительно похожий на меня. Наверно, таким образом я должен был узнать или вспомнить какие-то важные вещи, но почему-то, просыпаясь, я забывал почти все и часами сидел или лежал без движения, стараясь вспомнить что-то удивительно важное, прежде, чем снова уснуть. Но детские сны так и остались снами, а мир, рассыпанный на миллионы перепутанных кусочков, начал приобретать для меня свои первые очертания.

Мне нравилось чувствовать неуловимое время: оно шло мимо, касаясь меня своими длинными крыльями, и, видел чудесные мгновения в движениях стрелок часов и в биении моего сердца. Я мог управлять секундами, растягивая их до размеров вечности. Да, когда-то я держал в ладонях целую Вселенную.

Вскоре я научился читать не только на Огненном Языке Жизни, но обыкновенные, написанные земным языком книги и говорить не только молча, но и вслух. К моему огромному огорчению, я не мог дотронуться до сияния вокруг людей или каким-то образом измерить его, поэтому мне, как и всем маленьким детям, пришлось пробовать на вкус различные предметы, чтобы почувствовать, как звучат некоторые цвета. Самым-самым необыкновенным оказался синий. Я касался его на улице и дома, если встречал что-либо подходящего оттенка. Наверно, мне очень хотелось встретить человека, сияющего синим цветом, но я никогда не видел никого достаточно яркого.

Сам я обычно светился совершенно другими цветами, но их тоже не получалось попробовать, даже по-детски засунув пальцы в рот. Когда-то в моей голове была собрана целая коллекция невероятных оттенков самых разных цветов, названия которых я сначала знал, но, взрослея, постепенно забыл. Наверно, их все еще помнили голоса в моей голове, но я не знал, как их спросить об этом.

Мне нравилось слушать, как мама играет на фортепьяно тихие и спокойные мелодии, но когда начинала звучать другая музыка, я закрывал уши и убегал прятаться в самый даль-

ний угол комнаты отца, которая всего через несколько лет стала моей. Мама работала не с профессиональными музыкантами, а всего лишь преподавала музыку младшим школьникам. А они, конечно, часто ошибались нотами или вовсе нарочно играли не так, как их учили. Мне было больно от торопливых или фальшивых нот, от слишком громких или неоправданно тихих звуков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.